

Рецензия на книгу:
Вера и личность в меняющемся
обществе : Автобиографика
и православие в России конца XVII —
начала XX века : [сборник статей] / Под
редакцией Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова
М. : Новое литературное обозрение, 2019. 408 с. (*Studia europaea*)

В такого рода изданиях, как сборник статей «Вера и личность в меняющемся обществе: Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века» (2019 г.) самое важное — это фокус, позволяющий увидеть общее в разных эпохах и текстах. Как говорит само название, сборник посвящен важной и интересной проблеме — исследованию автобиографических текстов с точки зрения православной религиозности и понятия *личности*.

Конкретизируя свой замысел, составители в самом начале подчеркивают: «Поскольку нас интересует личность в религии, подзаголовок <книги> поясняет, что речь идет о “вере” в смысле культивирования внутреннего человека, а не размытой веры во что-нибудь, от коммунистических идей до денег» (с. 6). Формулировка несколько странная, поскольку вера в первую очередь связана с верой в Бога, а не в свое внутреннее «я», но из дальнейшего следует, что речь идет о сложном синтезе или симбиозе религиозного и светского, определившего понятие нововременной личности, о взаимодействии тех форм, при помощи которых «внутренний человек» обретал зримость, чтобы в секуляризованном мире самому стать объектом поклонения.

Наши фоновые знания подсказывают нам, что вера и личность находятся, если говорить о русской культуре, в известном антагонизме: православная культура отрицала всякие формы индивидуализма и личностное начало как в силу исконной русской соборности (выявленной и описанной, впрочем, славянофилами в XIX в.), так и отсутствия различных «индивидуализирующих» характерных для Западной Европы практик. Речь идет в первую очередь о фактическом отсутствии богословия, университетов, риторики и развитой светской литературы в целом. Но в то же самое

время религиозная сфера стала источником «личностного самосознания» в России при том, что пути ее формирования существенно отличались от европейских.

Здесь и возникает, собственно, основной вопрос: как происходило взаимодействие разных полей (религиозного и светского), каким образом складывался язык персональности в мире, где действуют противонаправленные силы? Эта проблема уже ставилась на русском материале, что хорошо видно по библиографии, которая довольно репрезентативна (вызывает, правда, некоторое удивление, что оказалась обойденной вниманием хрестоматийная статья по этой теме В. М. Живова «Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века»¹), так что читатели вправе надеяться, что сборник, вышедший в 2019 г., предложит новый язык описания старых сюжетов и новый взгляд на вещи вообще.

Рассуждая о языке описания, стоит отметить некоторую неот-рефлексированность концептуального аппарата, которым пользуются авторы. Не очень понятно, как вообще понимается что такое личность, как она устроена и как эволюционировала, начиная с XVII в., — ведь понятие «нововременная личность» на самом деле мало что объясняет, а является скорее методологической абстракцией. Свои смысловые коннотации, связанные с «рождением свыше»^{*1}, динамикой движения от «образа» к «подобию»^{*2}, понятие «личность» получило и собственно в религиозном дискурсе, что тоже могло бы стать предметом рефлексии составителей сборника.

Вызывает сомнения и термин «религиозная автобиография» («духовная автобиография»). В русской традиции к этой разновидности текстов можно однозначно отнести лишь автобиографии, которые создаются внутри церковной среды и содержат в себе «автобиографическую интенцию», тексты, которые можно рассматривать как своеобразные «жития, написанные от первого лица» (Аввакум), или протодневники духовенства (Дмитрий Ростовский и т. д.). Совершенно непонятно, можно ли его распространить на все автобиографические тексты или, например, только на автобиографические тексты с сильным религиозным компонентом? Следует ли рассматривать «Исповедь» Л. Н. Толстого как «религиозную автобиографику» или уместнее видеть в ней специфический вид автобиографизма, централизованного

*1 Ин 3:7

*2 Быт 1:26

1. В кн.: Из истории русской культуры. Т. III. (XVII — начало XVIII века) / Сост. А. Д. Кошелева. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 466–482.

на идее религиозного (в ее неортодоксальном варианте) обновления жизни, противопоставленного в секулярную эпоху всем остальным формам осмысления собственного *Self*? И куда правильно было бы отнести «Своеручные записки» Н. Б. Долгоруковой, которые, с одной стороны — дневник, записки, т. е., новая форма мемуарописания, а с другой стороны — автожитие?

Эта сложность открывает две магистральные линии анализа: необходимо либо описывать то, как в недрах религиозной литературы рождаются черты, которые соответствуют тому, что мы связываем с понятием «нововременной личности», либо искать формы синтеза между миром религии и социума.

Первый вид анализа будет вскрывать «персоналистические мотивы» в религиозных текстах — путь, который, без отрефлексированного понимания личности, ведет, скорее, к констатации фактов, чем к их концептуализации. Так, например, Татьяна Сочива в статье «Становление индивидуального самосознания в русской литературе» (с. 20–27) анализирует «Книгу толкований» протопопа Аввакума с точки зрения нового самоощущения человека второй половины XVII в., оставаясь в рамках уже существующих интерпретаций (самосакрализация и т. д.). К этому же направлению относится статья Гари Маркера «Из глубины молчания: в поисках контуров монашеского я “долгой” петровской эпохи (1680–1720-е)», в которой автор предпринимает попытку выявить черты секулярной личности в текстах духовенства (в «Пелгринании» Ипполита Вишенского и письмах Феофана Прокоповича). Статья Александра Феофанова «Вера и Церковь в автобиографических текстах князя И. М. Долгорукова» (1764–1823 гг.) посвящена восприятию религиозных обрядов в текстах нерелигиозного характера (travelog), без глубокого прояснения того типа религиозности и понимания личности, которая приводит именно к такому «сложному отношению просвещенного дворянина к Церкви и вере» (с. 139).

Второй путь — поиск синтеза между религиозной и светской традицией — представлен статьей Дениса Сдвижкова, в которой постулируется «переосмысление связи между религией и личностью» (с. 29) и которая пытается ответить на вопросы о природе «духовной автобиографики», прояснив, по словам автора, «значение союза И в названии книги» (Вера и личность).

Этот вопрос не является схоластическим, а схватывает самую суть специфики русской автобиографической традиции, представляющей собой трансформации этой самой религиозности, растворяющейся в текстах заведомо «нерелигиозного характера».

Модель, которая предлагается в статье Дениса Сдвижкова, связана по сути дела с «переносом мотивов» (жизнь как житие, жизнь как книга, чудо, преображение, исповедальные мотивы и т. д.) и встраиванием их в рамки новых нарративных построений.

В результате, констатирует автор, «процессы осознания уникальности своего «я» и «включения» разума и чувств прослеживаются в религиозной рефлексии параллельно светской. Они не просто пересекаются, а взаимно обуславливают друг друга» (с. 55–56). С этим можно согласиться, но для того, чтобы объяснить место религиозного в построении новой идентичности (в ситуации, когда «вера перестает быть данностью и становится предметом рефлексии» (с. 33)), необходимо в первую очередь заново уяснить самое понятие *религиозного*, которое оказывается шире, чем понятие церковной ортодоксии. По этому поводу Клиффорд Гирц, характеризуя функционирование религии, пишет: «Религиозные представления выходят за границы их особого метафизического контекста и вырисовывают контуры общих понятий, которые могут придавать значимую форму широкому спектру опыта — интеллектуального, эмоционального и нравственного»². С другой стороны, внутри христианского богословия в XX в. формируется идея, что «в глубочайшем смысле, христианство означает конец религии» (протопр. Александр Шмеман) в смысле конца культа, опосредующего отношения человека и Бога, что становится логическим следствием тех «значительных изменений» (с. 33), которые претерпевает вера в эпоху Нового времени, в постконстантиновскую эпоху и в эпоху нарастающей секуляризации³.

Таким образом, можно сказать, что в автобиографии происходят поиски нового языка персональности и форм выражения индивидуальности, оперирующей разными языковыми ресурсами, в том числе и теми, которые связаны с религиозным полем. В этом контексте возникает вопрос об эвристической ценности понятия «духовная автобиографика» и границах его применимости, о чем уже говорилось выше.

Структура сборника сочетает хронологический и сословный принципы расположения материала. Попытки проанализировать, как религиозное сознание проявляет себя в купеческих, крестьян-

2. Гирц К. Религия как культурная система // Он же. Интерпретация культур / Пер. с англ. О. В. Барсукова и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 143.

3. Ср. идею «безрелигиозного христианства» протестантского богослова Д. Бонхёффера. Под-

робнее: Штонда Ю. А. Концепция «безрелигиозного христианства» Дитриха Бонхёффера как ответ на вызовы времени // Вестник СФИ. 2020. Вып. 35. С. 205–224.

ских, дворянско-монашеских автобиографиях, вполне обоснованы с точки зрения структуры традиционного российского общества, хотя нельзя не заметить, что для раскрытия главной темы сборника — формирования традиции *modern self* в контексте православного мировоззрения — большее значение имеют тексты, посвященные анализу автобиографических практик конкретных личностей.

При этом в сборнике не раз упоминаются труды протопопа Авакума как зачинателя традиции новоевропейского самоописания в русском духовном сословии, но лишь вскользь упомянут пространственный дневник св. прав. Иоанна Кронштадтского, который является эпохальной точкой в развитии того же процесса уже потому, что становится нормативной моделью для многих последующих священнических дневников. Хронологические рамки сборника не позволили составителям включить в него такие явления духовной автобиографики, как дневники протопр. Александра Шмемана или мемуарные тексты прот. Сергея Булгакова, но описание сложного процесса выстраивания своего «я» на пересечении культуры эпохи модерна и традиционной православной религиозности неизбежно должно привести исследователей к этим явлениям.

Авторы сборника по преимуществу историки, привыкшие рассматривать дневники и мемуары в первую очередь как исторические источники, а не как акты самосознания или практики самоописания, ориентирующиеся на определенные литературные жанры и каноны. Поэтому в конкретных статьях сборника общие методологические принципы и подходы его составителей не всегда сохраняются. Это, однако, не умаляет ценности предпринятой попытки на русском материале оспорить обязательность конфликта модерности и религиозности, показать фундаментальную взаимосвязанность и взаимообусловленность религиозного и культурного, личностного и соборного в человеке и обществе.

Калугин Д. Я., канд. филол. наук,
Балакшина Ю. В., д-р филол. наук

Калугин Д. Я., Балакшина Ю. В. Рецензия на книгу: Вера и личность в меняющемся обществе : Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века / Сборник статей под редакцией Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 408 с. // Вестник Свято-Филаретовского института. 2020. Вып. 36. С. 271–275.